

УДК 82.01/.09

ПАМЯТЬ И ИСТОРИЯ КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЕ КОНЦЕПТЫ РОМАНА В. ШАРОВА «СТАРАЯ ДЕВОЧКА»

© Качанова В.В., Сергеева Е.Н.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: valentinakachanova1999.99@gmail.com; e.n.sergeeva@gmail.com

В современном отечественном литературном пространстве наблюдается формирующаяся тенденция к использованию мемуарно-дневниковых форм сюжетного воплощения, через призму которых писатели (такие как М. Шишкин, Л. Улицкая, Е. Водолазкин и др.) обращаются к проблеме вспоминающего сознания, к работе памяти частного субъекта, включенного в контекст общий, внеличностный. Рассматривая на поэтологическом уровне «дневниковую» жизнь героев, художники сопрягают память и историю и по-своему интерпретируют событийное, отражающее значимые этапы той или иной эпохи, и обыденное, основывающееся на малом, незаметном (звуки, цвета, ощущения). В связи с этим целью исследования становится определение роли концептов памяти и истории в творчестве В. Шарова (на примере романа «Старая девочка»).

Главная героиня романа, Вера Радостина, в 1937 году, потеряв самое дорогое, что было в ее жизни, отвернувшись от мира и даже от самой себя, определяет собственный путь к возвращению счастливого былого: она находит старые «амбарные книги», дневники, в которых в подробных деталях расписан каждый день ее жизни, в которых не был еще вынесен приговор будущему («...ей вдруг пришло в голову, что кроме детей и мужа она потеряла еще одно. С самого раннего детства, почти что с того времени, как она себя помнила, Вера каждый день вела дневник» [1, с. 83]). Героиня начинает читать дневники – по записи в день, что приводит к фантастическому разворачиванию событий. В. Шаров строит сюжет романа как реализованную историческую метафору, акцентирующую внимание читателя на том, каким образом обычный на первый взгляд человек под гнетом обстоятельств (в данном случае сформированных произволом власти) будет совершать один за другим выбор в пользу себя или близких. Вера, фантазмагорическим способом сначала приостанавливая течение времени, а после – полными шагами уходя в прошлое, реализует надежду на восстановление, на изменение настоящего.

Образ героини, чьи мысли В. Шаров открывает читателю только в начале и конце романа, на протяжении большей части романа дан через восприятие сотрудников НКВД. Обеспокоенные «уходом» героини, следователи тщательно изучают дневники Веры, беседуют с близкими ей когда-то людьми, хранящими память о ней многие годы, пытаются разобраться в происходящем и остановить этот процесс.

Ход истории, в своей беспорядочности не поддающийся воздействию со стороны частного и незначительного, а охватывающий общее и коллективное, в романе Шарова оказывается в руках главной героини, которая, благодаря обращению к записям и связанным с этим «уходу», становится источником беспокойства и страха политической верхушки, в частности Сталина. Тот думает: «Станет возвращаться и шаг за шагом уйдет так далеко, что ее уже не остановишь. Может быть, даже в то время, когда и органов еще не было – кто ей тогда сможет помешать?» [1, с. 102]. Личное и бытовое в тексте переплетается в соответствии с авторским видением исторического, соединяющим в себе разные аспекты жизни человека в целом; особую роль играет

частное понимание мира («Вера писала дневник каждый вечер, писала по свежим следам и, главное, все-все, всех людей, что одето-обуто-съедено, что кто и кому сказал – все, вплоть до погоды и ничего не значащих телефонных звонков: он не раз встречал в ее дневнике запись, что кто-то позвонил, позвали ее, а оказалось, что нужна совсем другая Вера, просто не туда попали» [1, с. 352]).

Время в произведении преломляется, видоизменяется: прошлое, настоящее и будущее оказываются, с одной стороны, зависящими друг от друга, с другой – сплетенными в единство, порой порождающее безвременье. Так, в ожидании прихода Веры метафизически замедляет свое настоящее, продолжая жить, «“народ” Веры» (то есть люди, которых НКВД собрало по всей стране, считая, что Вера уходит в прошлое в поисках какого-то одного потерянного человека, и надеясь ей этого человека предоставить и остановить тем самым ее движение).

В качестве вывода можно привести высказывание И.В. Ащеуловой о связи памяти и истории в романе В. Шарова: «В романах появляются многочисленные “реальные” тексты (философские трактаты, письма, воспоминания, рассказы и повести, записки и т. д.), зафиксировавшие не событийную, а ментальную природу исторических обстоятельств. Выражая нарративный характер истории как “рассказа”, “повествования”, Шаров мистифицирует тексты (сюжеты их создания, поиска тайных документов), имитирующие скрытые или искаженные интерпретации исторических событий» [2, с. 86].

Библиографический список

1. Шаров В.А. Старая девочка. М.: Астрель, 2013. 478 с.
2. Ащеулова И.В. Историческая проза В. Шарова в контексте русской исторической прозы второй половины XX – начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 1 (21). С. 80–97.